

И. А. ПИЛЬЩИКОВ

**БАТЮШКОВ
И ЛИТЕРАТУРА ИТАЛИИ**

Филологические разыскания

И. А. ПИЛЬЩИКОВ

БАТЮШКОВ И ЛИТЕРАТУРА ИТАЛИИ

Филологические разыскания

Под редакцией М. И. Шапура

«Языки славянской культуры»

Москва 2003

*Издание осуществлено при поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(проект № 02-06-87037)*

РФФИ

Пильщиков И. А.

П 32 Батюшков и литература Италии: Филологические разыскания / Под ред. М. И. Шапира. — М.: Языки слав. культуры, 2003. — 314 с. — (Philologica russica et speculativa; Т. III).

ISBN 5-94457-110-1

В монографии впервые освещается весь комплекс отношений К. Н. Батюшкова с итальянской культурой: его произведения на итальянские темы, переводы, подражания и стилизации, цитаты и реминисценции из итальянских писателей, употребление итальянского языка в письмах и т. д. Используя традиционные и оригинальные методы исследования, автор монографии выявляет и систематизирует многочисленные факты воздействия переводной поэзии (не только отечественной, но и западноевропейской) на русский поэтический язык конца XVIII — XIX вв. Работу отличает последовательно филологический подход к явлениям языка и культуры.

Книга может оказаться интересной специалистам по русской филологии, по истории русской литературы и сравнительному литературоведению, по истории русского языка и лингвистической поэтике, по истории и теории художественного перевода, а также музыковедам и всем, кому дорога и близка русская поэзия «золотого века».

ББК 83.3(2Рос = Рус)

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 % M153; e-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20-9102; e-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

© И. А. Пильщиков, 2003

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
<i>Глава первая</i>	
У истоков батюшковской тассианы: послание «К Тассу» (1808)	11
<i>Глава вторая</i>	
Переводы из «Освобожденного Иерусалима» (1808—1810)	34
<i>Глава третья</i>	
Переводы и выписки из итальянских поэтов (1810—1811)	62
<i>Глава четвертая</i>	
Итальянские темы в письмах Батюшкова (1807—1820)	90
<i>Глава пятая</i>	
«Ариост и Тасс», «Петрарка», «Пантеон итальянской словесности» (1815—1817)	116
<i>Глава шестая</i>	
Мотивы Петрарки у Батюшкова и Пушкина (1815—1817 и 1821—1831)	141
<i>Глава седьмая</i>	
Элегия «Умиравший Тасс»: Dichtung und Wahrheit (1817)	158
Вместо заключения	180
Примечания	186
Библиография	238
Приложения	274
Указатель имен	304

ВВЕДЕНИЕ

Назвавъ Батюшкова «страстнымъ любителемъ Италіанской и Французской поэзіи», Уваровъ выразилъ общее мнѣніе современниковъ: тогдашнимъ читателямъ «Опытовъ в Стихахъ и Прозѣ» Батюшковъ казался полномочнымъ представителемъ романскихъ литературъ в Россіи¹. Другой рецензентъ с похвалою отзывался о статьяхъ, в которыхъ авторъ «Опытовъ» пишетъ «о Пійитическомъ характерѣ безсмертныхъ образцовъ своихъ: величественнаго *Тасса*, игриваго *Аріоста* и нѣжнаго *Петрарки*» (Козловъ 1817, 626). Кюхельбекеръ отождествлялъ «характеръ Поэзіи Италіанцевъ и питомца ихъ, Батюшкова» (18206, 149). Воейковъ восторгался стихами Батюшкова — поэта, «сладостными, плѣнительными звуками золотой своей лиры» >напоминающаго *Аріоста* и *Петрарку*» (1821а, 175). *Роскошный Батюшковъ!* — восклицалъ тотъ же Воейковъ, — *У Тасса взялъ ты жезлъ Армиды чудотворный <...> твой слогъ есть совершенство* (1819, 254—255). В статьѣ изъ «Энциклопедическаго лексикона» (первой русской энциклопедии, учрежденной А. А. Плюшаромъ) мы читаемъ, что Батюшковъ «твердо изучалъ литературу народовъ южныхъ и особенно Италіанскую, и душевно былъ привязанъ къ пѣвцамъ Италіи»; онъ «подражалъ Тассу, подражалъ <...> Петраркѣ и Аріосту», но, «не смотря на это вѣѣшнее вліяніе, онъ каждую мысль, каждый оттѣнокъ чувствованія усвоивалъ себѣ самостоятельно. Вездѣ видишь человека, который не рабски увлеченъ своими образцами, но сошелся съ ними свободно, по внутреннему сочувствію, по природному настроенію своей души» (Плаксинъ 1836, 97; ср. Никитенко 1839, 460). «Отечество Петрарки и Тасса было отечест-

Введение

вомъ музы русскаго поэта. Петрарка, Аріостъ и Тассо, особливо послѣдній, были любимѣйшими поэтами Батюшкова», — писал Белинский (1843, 67)². Главные русские итальянисты XX столетия называли Батюшкова «пионером нашей итальяномании» (Розанов 1928, 12) или «италомании» (Голенищев-Кутузов 1971, 457).

Ужé первые биографы поэта отмечали роль, какую в его жизни играла итальянская культура (Бунаков 1855, 92, 96; Гревенец 1883, 546; Грот 1887, 3, 13; Майков 18876, 25—26, 35—36)³. Однако филологические экскурсы в область итальянских интересов Батюшкова крайне немногочисленны, и можно лишь удивляться, как мало внимания привлекала эта проблема: у нас «до сих пор нет исследования, которое охватывало бы весь комплекс вопросов об отношении Батюшкова к итальянской литературе» (Горохова 1975, 241 примеч. 24; ср. Серман 1972, 233). Тем не менее в науке, похоже, установилось молчаливое согласие насчет того, что в сложившихся представлениях о связях Батюшкова с культурой Италии серьезных пробелов нет. Симптоматично, что в программной статье Н. В. Фридмана, призванной «наметить и осветить те основные проблемы изучения творчества Батюшкова, которые до сих пор остаются неясными и спорными или даже вовсе не поставлены в научной литературе» (1964а, 305), об итальянской проблематике речь не заходит.

Филологическому изучению литературного и эпистолярного наследия Батюшкова начало положил академик Л. Н. Майков, подготовивший при участии В. И. Саитова трехтомное собрание сочинений, приуроченное к столетию со дня рождения поэта (см. Майков 1885—1887а). «Для каждаго изслѣдователя русской литературы <...> недавно появившееся изданіе Б а т ю ш к о в а будетъ отнынѣ необходимымъ пособіемъ, — говорил Я. К. Грот. — Оно составляетъ важный вкладъ въ исторію всей русской литературы первыхъ десятилѣтій 19-го вѣка» (Грот 1887, 2; Семевский 1887, 520—521). Научный аппарат юбилейного издания, занимающий более шестисот страниц, — это беспрецедентное явление в истории батюшковианы: в предшествовавших публикациях пояснения практически отсутствуют⁴. Вместе с тем в майковских комментариях есть неточности и лакуны, неизбежные хотя бы в силу новаторского характера работы. Более или менее существенные поправки и дополнения, сделанные позднейшими редакторами, общей картины не изменили.

Увлечение итальянской словесностью началось у Батюшкова с поэмы Тассо «Освобожденный Иерусалим». В дальнейшем хронологические рам-

Введение

ки его интересов расширялись — в сторону раннего Возрождения и Предвозрождения (Ариосто, Боккаччо, Петрарка, Данте), поэзии Сеттеченто (Касти, Метастазιο, Ролли), современной литературы (Альфьери, Монти). Масштабы исследовательских работ куда скромнее. Единственная статья на тему «Батюшков и Тассо» (Varese 1969) представляет собой сводку результатов, добытых Майковым. Материалы этой, а также предшествующей статьи М. Ф. Варезе об отношении Батюшкова к итальянской литературе (Varese 1968) включены в монографию «Батюшков: поэт между Россией и Италией» (Varese 1970); малооригинальный характер этой работы был отмечен рецензентом (Серман 1972, 233—234; ср. Горохова 1975, 241 примеч. 24). Изучение влияния Петрарки на Батюшкова, по словам И. М. Семенко (1977, 473), «в сущности, только начато» в работах А. И. Некрасова (1911) и Н. Контьери (Contieri 1959). В 1970-е годы появились статьи Р. М. Гороховой, посвященные восприятию Ариосто и Тассо в России XVIII — первой трети XIX в. (Горохова 1973; 1974; 1976; 1978; 1979; 1980), а также две монографии — Н. В. Фридмана (1971) и И. З. Сермана (Serman 1974), — в которых уделено место итальянским связям Батюшкова. Среди обобщающих работ следует отметить статью в академической «Истории русской литературы» (Верховский 1941). Авторам названных исследований удалось детализировать и углубить наши представления об «итальянской составляющей» в творчестве Батюшкова, и всё же многие положения, высказанные в этих трудах, сегодня нуждаются в критическом пересмотре. Необходимость ревизии тем более очевидна, что за последние десятилетия в научный оборот было введено значительное количество новых источников, таких как пометы и записи Батюшкова на полях «Трактата об итальянской поэзии» Антонио Скоппы (Янушкевич 1990, 13—26), а также около сотни писем Батюшкова и десятки писем к нему.

Культурную самобытность Италии Франция осознала раньше, чем Россия, — благодаря этому Батюшков и его современники, обращаясь к итальянской словесности, могли прибегать к «посредничеству» французских переводов и историко-литературных разысканий (ср. Заборов 1963, 81—85; 2000, 41—44). В свою очередь, итальянская культура воспринималась как связующее звено между другими национальными новоевропейскими традициями и греко-римской античностью: «Поэзія Італіянська служитъ какъ бы чертою прикосновенія между древнею и новою поэзією» (Георгиевский 1836, 79; Берков 1970, 20). Начав с увлечения Древним

Введение

Римом, Батюшков обрел двуединую Италию — «землю Сципионову и Арюстову»⁵. Вот почему филологическое освещение русско-итальянских литературных контактов постоянно сопровождается экскурсами в область литературы латинской и французской.

Цель этой книги — новая интерпретация связей русского поэта с культурой Италии. Перед автором стоит двуединая задача: продемонстрировать логику развития итальянских интересов Батюшкова, широко привлекая для этого, в том числе, малоизвестный материал. Исследование носит преимущественно генетический характер, однако по ходу дела обсуждаются также эволюция и типология художественных форм. В работе затронут достаточно широкий круг тем: историческая рецепция иноязычных культур, история и теория художественного перевода, история русского поэтического языка и поэтика русской литературы первой трети XIX в.; впервые подробно освещается вопрос об отношении Батюшкова к итальянской опере; в ряде случаев приходится заново решать проблемы текстологии и датировки. Я надеюсь, что монография при этом не распадется на отдельные фрагменты: ее целостность обеспечена общим предметом исследования и единством его методов.

Основной предмет моих занятий предопределяется их филологической природой: только филологию интересует «*текст как целое* <...> то есть уникальное, неповторимое единство смысла во всей полноте и в любых тонкостях его материального воплощения в чувственно воспринимаемой форме» (Шапир 2002б, 57 и др.; ср. 1994б, 275; а также Винокур 1981, 37—38, 41—47; Аверинцев 1972, стб. 973; Степанов 1994, 29). Смысл постигается путем исторически достоверного истолкования текста (Винокур 1923, 5), разумеется, понятого в совокупности не только внутренних, но и внешних его связей. По степени строгости и доказательности такое истолкование может не уступать результатам естественных наук (ср. Шапир 1997; 2001). Поэтому даже в области литературного генезиса, которая поддается формализации с большим трудом, я стремлюсь к максимально доступной точности выводов, основанных на системном изучении многочисленных лексико-фразеологических и ритмико-синтаксических соответствий между текстами.

Филолог изучает смыслы лишь постольку, поскольку они нашли выражение в языке, и, наоборот, рассматривает язык прежде всего как манифестацию культуры (Шапир 1994б, 275; ср. Винокур 1981, 4, 43—44, 50—54). С этой точки зрения, сравнительное литературоведение и исто-

Введение

рия переводной литературы — дисциплины филологические по своей сути: изучение творческой рецепции иноязычного произведения без опоры на лингвистические данные невозможно. В то же время полноценный анализ отношений перевода к оригиналу требует экстралингвистических сведений: типы и уровни эквивалентности то и дело меняются (ср. Catford 1965), что в значительной мере обусловлено воздействием внешнего (историко-культурного) контекста. Именно он заставляет меня выйти за рамки традиционной модели «текст-источник — текст-результат»: я квалифицирую переводные произведения как полигенетические, аккумулирующие опыт «версий-посредников» (Пильщиков 1999г, 9; ср. 19956; 2001). Такой подход позволяет выявить многочисленные факты воздействия переводной поэзии (не только отечественной, но и западноевропейской) на русский стихотворный язык рубежа XVIII—XIX вв.

К сожалению, с конца 1940-х годов по нынешний день сравнительно-историческое изучение русской литературы переживает не лучшие времена. В современном западном литературоведении компаративистика подпала под влияние постмодернистской идеологии, которая привела *littérature comparée* к полной интеллектуальной деградации и окончательной утрате методологических ориентиров. В последние годы те же тенденции набирают силу в России, где увидели свет и приобрели популярность сочинения, авторы которых не задумываясь жертвуют научной достоверностью ради броского изложения и ложно понятой оригинальности. Этим фактически ознаменован разрыв с научной традицией, которая вызвала к жизни образцовые исследования, посвященные международным связям русской поэзии «золотого века». Из работ, которые заслуживают названия классических, в первую очередь следует упомянуть монографию А. Н. Егунова о русских переводах Гомера (1964), а также итоговый сборник статей Б. В. Томашевского «Пушкин и Франция» (1960), книгу академика М. П. Алексеева «Пушкин: Сравнительно-исторические исследования» (1972) и фундаментальный труд того же автора о русско-английских литературных связях, особенно главу о Томасе Муре (Алексеев 1982, 657—824). Широкой филологической эрудицией отличались компаративные пушкиноведческие этюды М. Ф. Мурьянова: об армянском предании в «Гавриилиаде», об отношении Пушкина к Песни песней, об отрывке «Когда владыка ассирийский...», о выражении *füße Geröhnheit* у Пушкина, Гофмана и Гёте (Мурьянов 1973, 73—80; 1974; 1996, 200—222; 1999) и ряд других. Но ни в одной из перечисленных работ